

Ананом: И въ истинну приятель еси Иерусалиму и народу, и подобен еси (ты достоин) чьсти, ею же еси почтен! А над Исусомъ реша: Речист еси и веломудр, и много трудился, молвя с забрал. А ныне почивай!» (кн. IV, гл. V, ч. 2). Сцена военного совета в лагере Тита перед решительным штурмом Иерусалима тоже передана в драматизированной форме. В греческом тексте рассказывается, что Тит созвал военный совет, причем «более горячие из предводителей были того мнения, что следует всем войскам сразу делать приступ на стены, из более рассудительных одни — опять строить валы, другие же — продолжать осаду без валов, а только наблюдать за тем, чтобы жители не могли покидать города, ни получать припасов извне, и таким образом заставить неприятеля сдаться». В древнерусском переводе этого места читаем: «И потом Тит думаше с игемоны, глаголя: Приспы, ими ж надеяхомся взяти град, истлешася (погибли), и воины опечалишася, зане велик труд их в един час погиге. И разумею, яко мнози отчаявшася взяти града сего! Ему же и юнеишии отвещаша: Да приступим к стенам на купь, и не терпят иудеи нашего пришествия, погрузят бо ся нашими стрелами: А средовеции (люди среднего возраста) реша: Подобае еще иные приспы делати в иных местех и всю силу приставити, и заградити иудеом выход! Стариин же реша, яко доистинно обрываеть окръст града и не дати иудеом выходити или на травоимание, или на ино что, а руками не сниматися (не вступать в рукопашную). Непобедимо бо ест отчаяние их. А въскую бьемся с ними, им же молятся от железа смерть приати? Аще же оседим окръст их, или от глада измруть, или вдадутся!» (кн. V, гл. XII, ч. 1). В этом отрывке, как видим, каждое из мнений не только выражено в форме прямой речи, но и приписано участникам совещания, исходя из возрастного их подразделения: горячие — юноши, благоразумные — люди среднего возраста, осторожные — старики.

В драматической же форме передан в переводе и судебный процесс. В 4-й части главы V книги IV «Истории» рассказывается об обвинении, которое зилоты возвели на знатного и богатого человека, Захарию, сына Варуха. Желая его осудить, они для формы приказали созвать семьдесят находившихся в должностях судей простых граждан судилища, которое, конечно, совершенно было лишено авторитета, и здесь обвиняли Захарию в том, что он хотел предать город римлянам и с этой целью послал уполномоченных к Веспасиану. Обвинение не подкреплялось ни свидетельскими показаниями, ни какими-либо другими доказательствами, но они утверждали, что вполне убеждены в этом, и считали, что этого одного достаточно для установления истины. В древнерусском тексте рассказанное передается таким образом: «И тогда Захария, сын Варухов, муж преславен и богат, не терпя убийства и въздерзну обличити их и глаголати на них, яко же время вдасть. И они, хотяще и сего убити, и поставиша судище, и собраша 70 муж от старец, и вдаша им власть судити, поручающеся им. И сами они, ставше перед 70 с Захарею, пряхуся с нимь, глаголюще, яко ть предать град римлянам. Судия же рекоша: Кто обличитель или которое знамение? И ревнителя отвещавше: Мы ведоци тому, мы же послуси, и нам веру имете. Судии же рекоша: Не имем веры вам, зане противнии есте».

Не менее выразительны были в тексте перевода посольские речи и доносения. Так, в кн. IV, гл. IV, ч. 1 передается содержание грамоты, которую осажденные в храме зилоты послали к своим союзникам — идумеям. Вот содержание их письма: «Анан прельсти люди, предать римляном митрополию. Мы же, разлучившиися от них свободы деля, и ныне, затворени, седим внутрь църквы, и стражие окръст нас стоять. Мало время